

С.А. Ломакина
S.A. Lomakina

МОТИВ ДОРОГИ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР МАЛОЙ ПРОЗЫ Б.К. ЗАЙЦЕВА

THE MOTIVE OF THE ROAD AS A STRUCTURAL AND SEMANTIC FACTOR OF B.K. ZAITSEV'S SHORT PROSE

Предметом рассмотрения в данной статье является система мотивов малой прозы Бориса Зайцева 1901–1920 годов. Особое внимание уделяется мотиву дороги как сюжетообразующему фактору многих рассказов писателя, который способствует показу образного поля художественного текста, создает интегральные ситуации, позволяющие говорить о философско-эстетической позиции автора. Система мотивов в рассказах писателя актуализирует смысловые акценты произведений, становится не только способом постижения мира в целом, но и осознания себя, своего места в этом мироздании. Мотив дороги в малой прозе Б.К. Зайцева, во-первых, воспринимается в качестве жизненного пути героя, способа реализации его внутренних движений. Во-вторых, сопровождается такими явлениями, как испытание, поиск, преображение. В-третьих, способствует осознанию прошлого, настоящего и будущего. В-четвертых, обуславливает функционирование других мотивов (одиночества, света, времени, возвращения, смерти) и вместе с ними создает систему. Даже в уединении героев Зайцева видим внутреннее движение. Они размышляют о жизни и смерти, о традициях, об искусстве и истине, тем самым обретая веру или углубляя ее. Мотивы одиночества, света, возвращения создают определенную текстовую напряженность, выделяя при этом конкретные события и передавая авторские эмоции. Система мотивов в рассказах Зайцева ведет человека по пути, наполненному философскими и психологическими размышлениями о поиске новой жизни. Постигание нового качества бытия, высшего закона мироздания осуществляется через утраты и обретения, через слияние с природой во имя абсолютной любви и к ближнему, и к Земле-матери, и ко всей Вселенной, через понимание и осознание временного и вечного.

Ключевые слова: Борис Зайцев, мотив дороги, преображение, поиск, мотив одиночества.

The subject of consideration in this article is the system of motives of Boris Zaitsev's short prose of 1901–1920. Special attention is paid to the motif of the road as a plot-forming factor in many of the writer's stories, which contributes to the display of the figurative field of the literary text, creates integral images that allow us to talk about the philosophical and aesthetic position of the author. The system of motives in the writer's stories actualizes the semantic accents of the works, becomes not only a way to comprehend the world as a whole, but also to realize oneself, one's place in this universe. The motif of the road in the short prose of B.K. Zaitsev, firstly, is perceived

as the hero's life path, a way of realizing his inner movements. Secondly, it is accompanied by such phenomena as testing, search, transformation. Thirdly, it promotes awareness of the past, present and future. Fourthly, it determines the functioning of other motives (loneliness, light, time, return, death) and together with them creates a system. Even in the solitude of Zaitsev's heroes, we see an inner movement. They reflect on life and death, on traditions, on art and truth, thereby gaining faith or deepening it. The motives of loneliness, light, and return create a certain textual tension, while highlighting specific events and conveying the author's emotions. The system of motives in Zaitsev's stories leads a person along a path filled with philosophical and psychological reflections on the search for a new life. Comprehension of a new quality of being, the supreme law of the universe, is carried out through loss and gain, through merging with nature in the name of absolute love for one's neighbor, for the Mother Earth, and for the entire Universe, through understanding and awareness of the temporal and eternal.

Key words: Boris Zaitsev, the motive of the road, transformation, search, the motive of loneliness.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-59-4-62-67

Творчество Б. Зайцева начала XX века формировалось под влиянием московских «сборищ с благодушными разглагольствованиями» [4, 10] о новой эпохе, о человеке, который «есть основная проблема философии» [5, 54], о новом искусстве. Это время ориентации писателя на реализм классической литературы XIX века, увлеченности его «модернистской» линией, импрессионизмом, постижения «космизма». Философия Д. Мережковского и В. Соловьева, широкий круг личных контактов Бориса Зайцева (И. Бунин, М. Горький, Л. Андреев, В. Иванов, З. Гиппиус и др.), деятельность в литературных кружках «Середа», «Зори» способствовали выработке собственного восприятия нового мира, проявлению индивидуального стиля. А. Горнфельд, исследуя прозу современника, отмечает: «Зайцев – поэт космической жизни. Он сливает людей с природой, в человеке оттеняет его подсознательную стихийность, в стихийной природе чувствует сознание» [6, 14]. Тяготение к импрессионизму способствовало ослаблению сюжетности ранних рассказов Зайцева. Сюжетное движение реализуется через ощущение, через осознание себя частью великого начала, через интуитивное постижение целостности мира. Результатом такого повествования стало усиление роли мотивного построения текста.

Проблема повествовательного мотива в творчестве Зайцева занимает особенное место среди различных подходов к изучению наследия писателя⁹. В ранних его рассказах мотив является основообразующим элементом организации текста, объединяющим бытийный и бытовой планы повествования. Это не только элемент сюжета, но и его двигатель, повествовательный мотив способствует сюжетному развитию. В литературоведении понятие *мотив* применяют в разных контекстах и с разными целями. Мотив – «единица сюжетного развития. Любой сюжет – переплетение тесно связанных мотивов. Мотив – повторяющийся комплекс чувств и идей автора», это «дополнительные, второстепенные темы произведения, которые в сочетании с основной образуют единое сложное художественное целое» [1], «образ в действии (состоянии)» [2, 324].

На раннее творчество Зайцева существенное влияние оказал В. Соловьев («Соловьев первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере» [4, 50]). Призыв философа к преображению жизни Зайцев воспринимает как поиск пути

⁹ Воробьева Г.В. Система мотивов малой прозы Б.К. Зайцева 1901–1921 годов и ее эволюция. Волгоград, 2004.; Баландина М.Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. Магнитогорск, 2003.; Дудина Е.Ф.. Творчество Б.К. Зайцева 1901–1921 годов: Своеобразие художественного метода. Орел, 2007.

совершенствования. Он находит свое решение, актуализируя смысловые акценты произведений, выстраивая систему мотивов, ведущую не только к постижению и преобразованию мира, но, в первую очередь, к познанию самого себя, своего места в этом мироздании. Таким образом, мотив пути/дороги становится ведущим в раннем творчестве писателя.

В очерке «О себе» автор отмечает: «Мучительны томления юности, когда *себя ищешь*, не находишь, временами отчаиваешься, впадаешь во мрак и все кажется бессмысленным. Но уж, очевидно, через это надо пройти» [4, 48]. Мотив жизненного пути сливается у Зайцева с конкретным образом дороги («от места до места»), ведущим к преображению: «У этого вагонного окна я и почувствовал ритм, склад и объем того, что напишу *по-новому*. Нечто без конца-начала – о грохоте поезда, тумане, звездах, лугах <...> – попытка бегом слов выразить впечатление ночи, поезда, одиночества» [4, 49]. Движение к преображению требует осознание земного, бытийного существования и познание высшего духовного начала. Размышляя о себе, автор вспоминает о том, что давало ему силы двигаться вперед к свету («Как же человеку не тянуться к свету? Это из жизни души» [4, 51]): воспоминания, традиции, дом, друзья, Евангелие. Происходит соединение, слияние бытового и бытийного, идет процесс познания нового ощущения, нового восприятия старой жизни. Такое движение характерно и для героев ранних рассказов Зайцева: «В дороге (Эскиз)» – 1901 г., «Тихие зори» – 1904 г., «Деревня» – 1904 г., «Священник Кронид» – 1905 г., «Миф» – 1906 г. и других.

Писатель не изображает критических, роковых периодов жизни своих героев, но то простое осознание себя в этом неизведанном, удивительном мире становится для них судьбоносным. Автор поднимает актуальную проблему, традиционную для русского человека, постоянного поиска новых путей преображения, некую устремленность к этому.

Мотив *пути/дороги* – универсальный. К нему обращались и обращаются все мастера слова. В фольклоре и древнерусской литературе дорога всегда была связана с жизненным путем, который проходит каждый человек. Дорожные размышления, воспоминания наиболее искренни, они в полной мере передают психологию героя, его мысли и переживания. В литературе XVIII–XIX веков дорога чаще всего ассоциируется с негативными явлениями. Например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Железная дорога» Н.А. Некрасова или описание дороги по пути в Марьино в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева. Или как осмысление своих ошибок, так называемый путь самобичевания, например, путь Онегина, Печорина.

В рассказах Зайцева мотив дороги выполняет другую функцию. Путь – это зеркало души героя. Это, прежде всего, возможность познания себя самого через соединение двух миров: внутреннего и внешнего. При этом, мотив дороги не реализуется сам по себе, он обуславливает функционирование других мотивов (одиночества, света, времени, возвращения, смерти) и вместе с ними создает задуманную автором систему.

Уже первый рассказ «В дороге. (Эскиз)» – о новом измерении жизни. Мотив дороги вбирает в себя ряд лейтмотивов (силы, пустыни, сна, тишины, умиротворения, света), без которых движение героя будет до конца неясным. Несколько раз его путь проходит через туман, и каждая новая встреча навевает иные чувства и ощущения. Сначала сила и «самодовольство» дороги превращают туман в «беззвучную и бесстенную пустыню». Затем хаос, «гвалт» и крики дороги-победителя поглощают туман, делая его сопутствующим пятном путешественника и вызывая его недовольство. Туман – часть природы, которая не терпит суеты, беспокойства и страдания, идущие от людей. Туман «кроткий и мягкий», а люди, «грубые и хищные», беспокоят «его святое безмолвие, его высший, неземной покой» [4, 56–57]. Сталкиваясь, мотивы дороги и тумана способствуют пересечению пространственной вертикали («он [туман – *С.Л.*] взирал на нас, как и на весь мир, с тем высшим и кротким сожалением, с каким смотрят на землю боги» [4, 57]) и горизонтали (железная дорога, земля). Как спасение хищному человеку, в глубинах тумана, ставшего «богом тишины, спокойствия и мира» [4, 57], зарождаются «три светлые точки», несущие

изменения в этот агрессивный мир. Появление нового мотива связано с изменением во внутреннем мире героя. Свет символизирует ясность сознания, истинность положения, понимание происходящего. Новые знания ведут к обретению спокойствия и умиротворения: «И сейчас же мне самому показалось, что мы действительно не можем заблудиться: туман так мягок и кроток, что ни за что не погубит нас» [4, 58]. Наступившее просветление – это осознание не только связи с природой, но и божественного. Герой проходит путь от хаоса к свету: дорога (неизвестность) – туман (пустыня) – дорога (жестокость) – хаос – дорога (сила) – туман (бог тишины) – свет (бесконечность) – дорога (вражда) – туман (кротость) – дорога («сверхжизненность»).

Слияние с природой позволяет ему по-иному увидеть и услышать окружающий мир, осознать себя в нем и почувствовать, как «меня пропитывает что-то спокойное, тихое, сверхжизненное.<...> И мне стало казаться, что я сам становлюсь кусочком этого теплого, сырого тумана» [4, 58].

Дорога героя из «Тихих зорь» представлена иначе, она не всегда ровная, как и его личная жизнь: соединяет в себе печаль и радость, страдание и любовь, смерть и жизнь, прошлое и будущее. Большую часть сюжета герой показан наблюдателем за своей жизнью. Он смотрит на тропинки, по которым гулял с женой, улочки, по которым ходит с Алексеем, то с балкона, то с бугра, то издали. Кажется, что главный герой постоянно в движении: работает, возвращается домой, гуляет по городу. Но дорога, несмотря на то, что ощущается более живой, чем сам герой, для него остается только фоном, на котором формируются его размышления.

Изменения состояния героя «Тихие зори» связаны с тем, что пересеклись два пути: его и Алексея. Умиравший Алексей своим отношением к жизни («здесь») и смерти («там») влияет на сознание друга, обращает его внимание на то, что путь каждого человека – это не фон, на котором проходят определенные события, это сама действительность, ведущая в будущее. И слова: «Но все это в тебе самом, ты везде и всегда будешь таким», – становятся отправной точкой к постижению нового, возвышенного. Долгий путь постижения себя, путь самосовершенствования завершается интуитивным религиозным принятием целостности этого мира, осознанием себя частью какого-то великого начала, созидающего духа, разлитого во Вселенной: «кто-то могучий и безымянный, чьего имени не разгадаешь, затопил все вокруг своей безмерной силой; он выдавливает из мозга мысли, он заливал все своей от-вечной, прозрачной зеленью; и небо и воды послушны ему. И тебя нет, хотя ты идешь и видишь» [4, 67].

На своем жизненном пути герой проходит испытание одиночеством. Мотив одиночества, как правило, реализуется в плане конфликта один/все, когда герой выходит один на один с обществом, с миром. Это характерно для произведений М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание», «Подросток», «Идиот»), М. Горького («Жизнь Клима Самгина»), М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита») и других писателей. Но в творчестве Зайцева он приобретает иное звучание. Несмотря на то, что тексты рассказов изобилуют печальными и мрачными эпитетами и сравнениями («жуткий, мерещившийся свет», «черные липы», «бездонная тьма», «будто живой, вещий мрак», «смутные ночи», «пустые ночи» и др.), а герой живет ожиданием неприятностей, финал произведения позитивный. Мотив одиночества способствует созданию эмоциональных текстов: печальных (депрессивных) и светлых (духовных). У Зайцева, одиночество – это время наблюдения, познания природы, осознания себя в окружающем мире. Одиночество у писателя не носит трагической окраски. Познав природу и определив свое место в этом мире, герои зайцевских рассказов ощущают свою связь с чем-то бесконечным, с вечностью: «Я чувствовал, что меня пропитывает что-то спокойное, тихое, что-то сверхжизненное, такое, чему нет дела ни до гвалта, ни до борьбы и ни до каких хищников» [4, 58] – «В дороге». Или: «Вот он и простор, и мир. Золотой бог невысоко стоит на небе, а Миша скользит по земле неслышной птицей. <...> этот отрывок времени он

пробыл будто во сне, в солнечном безумии, и теперь ему кажется, что, если бы он вошел в темную комнату, она осветилась бы» [4, 88] – «Миф».

Приняв новый мир и осознав себя его частью, герой теряет свою позицию наблюдателя (пространственная вертикаль 'земля-небо'), теперь он соучастник движения по Вселенной (пространственная горизонталь), и мир предстает перед ним во всей своей полноте цветов, звуков и образов. Жизненные испытания смертью, одиночеством, временем пройдены. Герой, обогащенный духовно, возвращается в бытийный мир. «Сердце немеет и лежит распростертое, оно открыто любви; прошлое, настоящее и будущее в нем переплетаются, встает нежная радость о давно минувшем. <...> Из зеркальных далей, по реке, нисходит благословение горя» [4, 67].

В основе пути о. Кронида («Священник Кронид») лежит вера, которая подкрепляется трудолюбием («за его плечами вдаль идут поколения отцов, пращуров; все они трудились здесь» [4, 68]) и терпением («Старый Крон и не жалуется» [4, 68]). Этот путь доставляет ему радость, потому что он принят умом и сердцем героя. Это путь жизни и любви, идти по нему радостно и приятно, рядом свои, родные люди, дети: «Есть на кого опереться, когда станет тяжело от годов» [4, 69]. Весь жизненный путь о. Кронида состоит из небольших путешествий, в которые он отправляется по причине долга священника. Каждый новый отрезок пути дает ему новые ощущения и чувства. Как отмечал Б.М. Гаспаров: «<...> некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во всех новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно»: события, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и так далее; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте» [3, 30].

Для о. Кронида дорога является жизненным кольцом: утром он идет в церковь, служит, венчает, хоронит, посещает дома, а вечером, иногда и ранним утром, возвращается домой. Такое кольцевое движение не утомляет Крона, так как на всем его пути присутствует свет: солнечный, лунный, небесный, свет свечи, лампы, золота на иконах и просто свет глаз людей, смотрящих на него. Предпочтение автором отдается солнечному свету, который с каждым днем не только загорается «все раньше», но и «очень хорошо греет землю», даря радость кругом. Мотив света вновь соединяет земное и небесное, выстраивая пространственную вертикаль. По Зайцеву, возрождение всегда сопровождается стремлением к свету, ибо свет испокон веков был символом надежды, будущего, чистоты души и помыслов.

Мотив света в «Тихих зорях» создает в рассказе текстовую границу, разделяя внутренний мир рассказчика на две неравномерные световые зоны: *до* преображения и *после*. Период *до* занимает большую часть повествования. Мир, в котором страдает герой, представлен серыми, пыльно-золотистыми, темными, сумеречными цветами. Предметы, окружающие рассказчика «смутные», время суток – полусумрак, сумерки или рассвет. В последних главах рассказа происходит духовное наполнение внутреннего мира рассказчика. Несмотря на то, что действие по-прежнему происходит в пограничный отрезок суток, солнечный свет наполняет окружающий героя мир, вытесняя из него не только тьму, но и сомнения, недовольства, депрессивное состояние. Мир «над русской рекой, под мягким русским солнцем» [4, 66] оживает, как и душа рассказчика, белыми, перламутровыми, желтенькими, голубенькими красками. Сущностным цветом мироздания становится заливающая всю тьму «от-вечная, прозрачная зелень» [4, 67].

«Живоносный» солнечный свет наполняет воздух, землю и даже тела героев «Мифа», которые постигли христианскую истину – жить в любви – и теперь, просветленные, наслаждаются. Световая насыщенность символизирует преображение человека и природы, передает гармоничное состояние мира, наполненного «золотистым воздухом», «солнечным безумием», «глубокой ясностью», «просветленным мозгом» и «просветленной жизнью». По пути движения Михаила солнце трансформируется из друга, «золотого приятеля»

в «золотого бога», стоящего «невысоко на небе» и ласкающего мирно спящую Лисичку. Принятие молодой парой состояния просветленности говорит о духовном начале их совместного пути-поиска: «Боже мой, – думает Михаил, – хорошо лежать в чистом поле, при паутинках, в волнах ветра. Как он там тает, как чудесно растопить душу в свете и плакать и молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особые, таинственные, русские ангелы!» [4, 84].

Как уже было отмечено, мотив дороги (пространственная горизонталь) в ранних рассказах Зайцева пересекается с мотивом космоса (пространственная вертикаль). Герои на своем пути сталкиваются с добром и злом, рождением и смертью, боятся тьмы и идут за светом. Разными путями приходят они к осознанию в своем выборе божественного присутствия, реализуемого в тексте с помощью цветовых и образных ощущений. Герой очерка «В дороге» почувствовал что-то «сверхжизненное», заполнившее его. В рассказе «Тихие зори» «кто-то могучий и безымянный» напитал всех «безмерной силой» [4, 67]. Михаил («Миф») чувствует не только движение солнечной системы к просветленной жизни, но и «золотого бога». Крымов («Деревня») ощутил «простое и великое, чему имени он не знает» [4, 82]. У Зайцева мотивы природы, солнца, ветра, дождя ведут за собой образ высшей силы, которая и правит этим миром, и помогает человеку пройти выбранный им жизненный путь, оберегая его от соблазна и деградации. Каждый получает свое, личностное знание, помогающее ему стать устойчивее, научиться чувствовать, постигать глубокие философские постулаты.

Таким образом, в ранних рассказах Зайцева (1901–1920 гг.) мотив дороги не только устойчив, но и занимает ведущую структурно-семантическую позицию, сопровождающуюся рядом универсальных мотивов, придающих повествованию философскую наполненность, связывает части художественного текста в единое целое.

1. Бердяев Н.А. *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики*. М., 1993. С. 54.
2. Гаспаров Б.М. *Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века*. М., 1993.
3. Горнфельд А.Г. *Лирика космоса. Книги и люди. Литературные беседы*. Т. 1. СПб., 1908.
4. Зайцев Б.К. *Соч.: в 3 т. Т. 1*. М., 1993.
5. *Краткий словарь литературоведческих терминов* / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/sci-philology/98612-leonid-timofeev-kratkij-slova> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Томашевский Б.В. *Теория литературы. Поэтика*. М., 1999.